Agatha Christie

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Агата Кристи

Багдадская встреча

Агата Кристи. Серебряная коллекция

Агата Кристи

Багдадская встреча

«Эксмо»
1951

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кристи А.

Багдадская встреча / А. Кристи — «Эксмо»,
1951 — (Агата Кристи. Серебряная коллекция)

ISBN 978-5-699-32178-0

Юная Виктория Джонс обладает богатым воображением и неуемной тягой к приключениям. Именно это взрывоопасное сочетание приводит ее практически на край света, в Багдад. По совпадению, в это время в городе проводится секретная встреча лидеров ведущих мировых держав. И надо же такому случиться, что девушка оказывается прямо в эпицентре кровавой политической игры. У себя в номере Виктория находит тяжело раненного агента разведки, с губ которого перед смертью срываются несколько загадочных слов. Что они могут значить? Почему этот человек оказался в номере Джонс? Пылкая леди не успокоится, пока не выяснит правду – даже если эта правда смертельно опасна…

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-32178-0

© Кристи А., 1951
© Эксмо, 1951

Содержание

Глава 1 6
I 6
II 10
Глава 2 12
I 12
II 15
Глава 3 19
I 19
II 22
Глава 4 23
I 23
II 26
Глава 5 29
Глава 6 33
Глава 7 39
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Агата Кристи
Багдадская встреча

Agatha Christie
They Came to Baghdad
Copyright © 1951 Agatha Christie Limited. All rights reserved.
AGATHA CHRISTIE and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere. All rights reserved.
© Самуйлов С.Н., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

I

Капитан Кросби вышел из банка с довольным видом человека, который, получив деньги по чеку, обнаружил, что на счету их немного больше, чем он ожидал.

Довольным собой капитан Кросби выглядел часто. Такой уж он был человек. Невысокий, коренастый, с красноватым лицом и щетинистыми армейскими усами, вышагивая важно по улице, он немного напоминал индюка. Одевался, пожалуй, чуть слишком броско и был большим любителем поговорить и послушать. В компании капитан пользовался популярностью. Неунывающий бодрячок, вполне себе заурядный, но славный малый, да еще и неженатый. Ничего особенного или примечательного. На Востоке таких Кросби пруд пруди.

Улица, на которую вышел Кросби, называлась Банковской и имела на то все основания, поскольку именно на ней и расположилось большинство банков в городе. В том, из которого вышел капитан, было прохладно, сумрачно и попахивало плесенью. Тишину нарушал лишь сухой стрекот множества невидимых печатных машинок.

Банковская улица встретила его ярким солнцем, кружащей в воздухе пылью и шумной, пестрой мешаниной настойчивых автомобильных гудков и криков торговцев всем и вся. Мужчины, собравшись кучками, спорили так горячо, что, казалось, вот-вот вцепятся друг другу в глотку, а между тем они были закадычными приятелями; по улицам деловито сновали продавцы с подносами – взрослые, мальчишки и совсем еще дети, – предлагая сладости, апельсины и бананы, банные полотенца, гребни для волос, бритвенные лезвия и прочие товары. Тут и там без конца отхаркивались и сплевывали, и над всем этим висели унылые, меланхоличные крики погонщиков, ведущих в потоке машин и пешеходов лошадей и ишаков: «*Балек… балек… Дорогу!*»

В городе Багдаде было одиннадцать часов утра.

Остановив бегущего с кипой газет мальчишку, капитан Кросби купил одну и продолжил путь. На углу Банковской он повернул за угол и вышел на улицу Рашид, главную магистраль Багдада, протянувшуюся через город почти на четыре мили параллельно реке Тигр.

Пробежав глазами заголовки на первой странице, капитан Кросби сунул газету под мышку, прошел еще пару сотен ярдов, свернул в переулок и оказался в просторном дворе – по-здешнему, хбне. В дальней стороне двора он толкнул дверь с бронзовой табличкой и вошел в контору.

Сидевший за пишущей машинкой молодой опрятный клерк-иракец поднялся и приветствовал гостя доброжелательной улыбкой:

– Доброе утро, капитан Кросби. Чем могу помочь?

– Мистер Дэйкин у себя? Хорошо. Я пройду.

Капитан прошел через дверь, поднялся по довольно-таки крутым ступенькам и зашагал по пыльному, не отличающемуся чистотой коридору. В конце его он постучал в еще одну дверь.

– Войдите, – ответил голос.

Комната с высоким потолком не могла похвастать комфортом – керосиновая печь с миской для воды, низенький диванчик с кофейным столиком да большой, видавший виды письменный стол. Под потолком горела лампочка, окно же было тщательно занавешено. За столом сидел потрепанного вида человек с усталым, нерешительным лицом неудачника, сознающего, что жизнь не удалась, и уже ничего от нее не ждущего.

Мужчины – бодрый, самоуверенный Кросби и меланхоличный, изнуренный жизнью Дэйкин – посмотрели друг на друга.

– Привет, Кросби, – сказал Дэйкин. – Из Киркука?[1]

Гость кивнул, после чего тщательно закрыл за собой дверь. Побитая, кое-как покрашенная дверь эта обладала одним качеством, предположить наличие которого в ней никто бы не догадался: закрывалась она так плотно, что не оставляла ни щелей, ни просвета внизу.

Дверь была звуконепроницаемая.

Как только она закрылась, характер поведения и манера держаться обоих персонажей едва заметно, но разительно переменились. Капитан Кросби как будто утратил агрессивность и самоуверенность. Мистер Дэйкин уже меньше сутулился и колебался. Будь в комнате кто-то третий, он с удивлением обнаружил бы, что распоряжается здесь именно Дэйкин.

– Есть новости, сэр? – осведомился Кросби.

– Есть, – вздохнул Дэйкин, помечая еще две буквы в сообщении, расшифровкой которого занимался. – Все пройдет в Багдаде.

Он чиркнул спичкой, поднес огонек к листку и подождал, пока тот сгорит. Потом осторожно подул на обуглившуюся бумагу. Пепел встрепенулся и рассыпался.

– Да. Остановились на Багдаде. Двадцатого числа этого месяца. Нам предписано «соблюдать полнейшую секретность».

– На базаре об этом третий день говорят, – сухо заметил Кросби.

Дэйкин устало улыбнулся.

– Совершенно секретно! Вот только на Востоке такого понятия, как «совершенно секретно», не существует, не так ли, Кросби?

– Вы правы, сэр. Только, по-моему, никаких секретов нет уже нигде. В прошлую войну[2] я, бывало, частенько замечал, что любой лондонский парикмахер знает больше, чем Верховное командование.

– В данном случае это не так уж и важно. Если встречу намечено провести в Багдаде, об этом скоро будет объявлено. Вот тогда-то карусель – наша с вами – и завертится.

– Полагаете, сэр, она все-таки состоится? – недоверчиво спросил Кросби. – И Дядюшка Джо[3] действительно приедет? – «Дядюшкой Джо» капитан непочтительно называл руководителя одной великой европейской державы.

– Полагаю, в этот раз приедет, – задумчиво сказал Дэйкин. – Да, приедет. И если совещание пройдет гладко, без сучка без задоринки… что ж, тогда, возможно, все еще можно спасти. Если только удастся достичь взаимопонимания… – Он не договорил.

– То есть… простите, сэр… какое-то взаимопонимание еще возможно? – с сомнением спросил Кросби.

– В том смысле, который вы имеете в виду, вероятно, нет. Если бы речь шла об обычной встрече двух людей, представляющих совершенно различные идеологии, то все, наверное, закончилось бы как обычно – усилившейся подозрительностью и непониманием. Но есть третий элемент. Если та фантастическая история Кармайкла верна…

Дэйкин оборвал себя:

– Но она ведь не может быть верна. Слишком уж фантастична!

Человек за столом помолчал. Перед его глазами живо встало встревоженное лицо, в ушах снова звучал тихий, невыразительный голос, говоривший невероятное, немыслимое… Словно напоминая себе самому, Дэйкин повторил про себя слова, сказанные им тогда: «Либо мой лучший, мой самый надежный агент рехнулся, либо… так оно и есть».

---

[1] Киркук – город на северо-востоке Ирака, в Курдистане.

[2] Имеется в виду Первая мировая война.

[3] Так на Западе называли И. В. Сталина.

– Кармайкл верил, – заговорил он усталым, отрешенным голосом. – Все, что ему удалось найти, подтвердило его предположение. Он собирался отправиться туда и узнать больше, добыть доказательства. Благоразумно ли было отпускать его, я не знаю. Если он не вернется, останется только то, что он сообщил мне, то есть некая история, рассказанная ему кем-то. Будет ли этого достаточно? Не думаю. Как вы и сказали, слишком уж фантастично. Но если он сам будет двадцатого здесь, в Багдаде, и расскажет все со слов очевидца, если предъявит доказательства…

– Доказательства? – воспрянул Кросби.

– Да, – кивнул Дэйкин. – У него есть доказательства.

– Откуда вы знаете?

– Закодированное сообщение. Мне передал его Салах Хасан. «*Белый верблюд с грузом овса идет через перевал*», – медленно процитировал Дэйкин.

И, помолчав, продолжил:

– Значит, Кармайкл добыл то, за чем отправился, но остаться незамеченным ему не удалось. Его преследуют. Какой бы маршрут он ни выбрал, всё под наблюдением. И, что самое опасное, они будут ждать его здесь. Сначала на границе. Если ему удастся перейти границу, выставят кордон у посольства и консульства. Вот, послушайте…

Он порылся в лежавших на столе бумагах и стал читать вслух:

– «Англичанин, путешествовавший на автомобиле из Персии в Ирак, застрелен насмерть – предположительно бандитами. Спустившийся с гор курдский торговец попал в засаду и убит. Еще один курд, Абдул Хасан, заподозренный в контрабанде сигаретами, застрелен полицией. Тело мужчины, в котором позднее опознали водителя-армянина, обнаружено на Ровандузской дороге…» Обратите внимание, описание убитых в общих чертах совпадает. Рост, вес, цвет волос – все примерно то же, что и у Кармайкла. Он им нужен, и они действуют наверняка. В Ираке же его ждет еще большая опасность. Садовник при посольстве, слуга в консульстве, чиновник в аэропорту, на таможне, на железнодорожной станции… Поставят своих людей у отелей… Его возьмут в кольцо. В плотное кольцо.

Кросби вскинул брови:

– Думаете, у них такая широкая сеть?

– Нисколько не сомневаюсь. Утечки случаются даже в нашем ведомстве, вот что хуже всего. Откуда мне знать, что о мерах, принимаемых нами для безопасного возвращения Кармайкла в Багдад, уже не знает другая сторона? Подкупить кого-то в лагере противника – элементарный ход в нашей игре.

– Вы кого-то подозреваете?

Дэйкин медленно покачал головой.

Кросби вздохнул.

– Так что, действуем по плану? – спросил он.

– Да.

– Как насчет Крофтона Ли?

– Он согласился приехать в Багдад.

– Все едут в Багдад. Даже, как вы говорите, Дядюшка Джо. Но если что-то случится с президентом, пока он здесь, жаждущих мести будет уже не удержать.

– Случиться ничего не должно, – твердо сказал Дэйкин. – И это наша обязанность – позаботиться о том, чтобы ничего не случилось.

После ухода Кросби он снова склонился над столом, пробормотав себе под нос:

– Они приехали в Багдад…

На листке промокательной бумаги Дэйкин нарисовал кружок и написал под ним слово «Багдад», затем изобразил верблюда, самолет, пароход и маленький пыхтящий паровоз, рас-

положив их с четырех сторон от кружка. В углу листка он нарисовал паутину, а в середине паутины написал имя: «Анна Шееле». И поставил под ним большой вопросительный знак.

Потом Дэйкин надел шляпу и вышел из конторы на улицу Рашид. Глядя ему вслед, один из прохожих спросил спутника, кто это такой.

– Который? А, это Дэйкин. Работает тут в какой-то нефтяной компании. Неплохой малый, но далеко не пойдет. Больно уж вялый. Да и выпивает, говорят. Ему здесь ничего не светит. В этой стране, чтобы пробиться, надо шевелиться.

II

– Вы получили отчет по собственности Кругенхорфа, мисс Шееле?

– Да, мистер Моргенталь.

Мисс Шееле, невозмутимая и деловитая, положила перед боссом затребованные бумаги.

Читая, он довольно хмыкнул:

– По-моему, неплохо.

– Определенно неплохо, мистер Моргенталь.

– Шварц здесь?

– Ждет в приемной.

– Пришлите его прямо сейчас.

Мисс Шееле нажала кнопку звонка – одну из шести.

– Я вам еще нужна, мистер Моргенталь?

– Думаю, что нет, мисс Шееле.

Анна Шееле неслышно выскользнула из комнаты.

Платиновая блондинка, она, однако, не вызывала у мужчин желания оглянуться ей вслед. Бледные льняные волосы были туго стянуты на затылке в аккуратный узел. Бледно-голубые глаза смотрели на мир из-за толстых стекол очков. Изящному, с тонкими чертами личику определенно недоставало выразительности. Всем, чего добилась в мире, она была обязана не женскому очарованию, но абсолютной деловитости. Информацию, даже самую сложную, держала в голове и имена, даты, время выдавала, не обращаясь к записям. Работу в большом офисе умела организовать так, что все двигалось, как шестеренки в хорошо смазанном механизме. Воплощенная ответственность и неиссякаемый, но притом контролируемый и дисциплинированный источник энергии.

Отто Моргенталь, глава международной банковской фирмы «Моргенталь, Браун и Шипперке», прекрасно сознавал, что обязан Анне Шееле бóльшим, чем можно выразить деньгами. Своей секретарше он доверял. Ее память, опыт, мнение, хладнокровие и рассудительность были бесценны. Он хорошо ей платил и, попроси она прибавки, согласился бы без вопросов.

Она знала детали не только его бизнеса, но и подробности частной жизни. Когда он спросил ее мнение по проблеме со второй миссис Моргенталь, Анна посоветовала развестись и даже назвала точную сумму алиментов. И не выразила при этом ни сочувствия, ни любопытства. Это было бы не в ее характере. Он не предполагал наличия у нее каких-либо чувств, никогда не спрашивал себя, о чем она думает, и, наверное, удивился бы, узнав, что у нее есть какие-то мысли помимо тех, что так или иначе связаны с «Моргенталь, Браун и Шипперке» и проблемами самого Отто Моргенталя.

Вот почему она застала его врасплох, когда, прежде чем выйти из кабинета, сказала:

– Я бы хотела, если такое возможно, мистер Моргенталь, получить трехнедельный отпуск. Начиная со следующего вторника.

– Это будет некстати, – заволновался он, уставившись на нее с удивлением. – Весьма некстати.

– Никаких трудностей не возникнет, мистер Моргенталь. Мисс Уайгейт вполне справится с делами. Я оставлю ей все свои записи и подробные инструкции. Мистер Корнуэлл проследит за слиянием «Эшера».

– Вы ведь не заболели? – все еще с беспокойством спросил он. – Ничего такого?

Мысль о том, что мисс Шееле может заболеть, не приходила ему в голову. Такого не могло быть. Даже микробы из уважения к Анне Шееле обходили ее стороной.

– О нет, мистер Моргенталь. Хочу съездить в Лондон повидать сестру.

– Сестру? – Он и не знал, что у нее есть сестра. Даже не представлял, что у мисс Шееле могут быть родственники, семья. Она никогда ни о чем таком не упоминала. И вот теперь нате вам – сестра в Лондоне… Прошлой осенью, когда она сопровождала его в поездке в Лондон, ни о какой сестре и речи не заходило.

– Впервые слышу, что у вас сестра в Англии, – укоризненно заметил он.

Мисс Шееле едва заметно улыбнулась.

– Да, мистер Моргенталь. Замужем за англичанином, как-то связанным с Британским музеем. Ей предстоит очень серьезная операция, и она хочет, чтобы я побыла рядом. Мне нужно поехать.

Отто Моргенталь понял, что решение она уже приняла.

– Хорошо, хорошо, – проворчал он. – И возвращайтесь как можно скорее. Рынок такой неустойчивый. Все из-за чертовых коммунистов. Война может разразиться в любой момент. Иногда мне думается, что это единственное решение. Вся страна этим поражена… деваться некуда. А теперь еще и президент вознамерился отправиться на эту дурацкую конференцию в Багдаде… На мой взгляд, у них там все подстроено. Его просто заманивают в ловушку. Багдад! Подумать только! Вот уж выбрали местечко.

– Уверена, его будут хорошо охранять, – успокоительно заметила мисс Шееле.

– Но ведь до шаха они в прошлом году добрались, разве нет? И до Бернадота[4] в Палестине… Безумие, вот что это такое. Совершенное безумие. – Мистер Моргенталь обреченно вздохнул: – Видно, мир и впрямь сошел с ума.

[4] Фольке Бернадот, граф Висборгский (1895–1948) – шведский дипломат, общественный деятель; был застрелен палестинскими террористами.

Глава 2

I

Сидя на скамейке в Фицджеймс-гарденс, Виктория Джонс предавалась невеселым размышлениям о том, как вредно использовать некоторые свои таланты в неподходящий момент.

Подобно большинству из нас, Виктория обладала как способностями, так и недостатками. К положительным ее качествам относились доброта, участливость и смелость. Природная тяга к авантюрам могла быть свойством как похвальным, так и наоборот, учитывая, как высоко в наше время ценятся безопасность и стабильность. Главным ее недостатком была склонность приврать, причем как в подходящий, так и в неподходящий момент. Устоять перед очарованием выдумки в противовес сухому факту она не могла. Виктория лгала легко, складно и увлеченно, даже с некоторым артистическим вдохновением. Опаздывая на встречу (что случалось совсем не редко), ей было мало сослаться виновато на некстати остановившиеся часы (такое бывало частенько) или задержавшийся автобус. Куда предпочтительнее выглядела история со сбежавшим и разлегшимся на пути следования автобуса слоном или повесть о дерзком бандитском налете, в которой и она сыграла свою роль, оказав помощь полиции. Виктория предпочла бы жить в мире, где по Стрэнду рыскают тигры, а Тутинг [5] кишмя кишит опасными разбойниками.

Стройная, с хорошей фигуркой и первоклассными ножками, Виктория не отличалась броской красотой. Личико ее, хотя и аккуратное, было простовато и невыразительно. Но зато в ней была некая пикантность, поскольку «эта каучуковая мордашка», как выразился один из поклонников, могла, вдруг оживив неподвижные черты, удивительным образом передразнить едва ли не кого угодно.

Именно пародийный талант и стал причиной ее теперешнего незавидного положения. Работая машинисткой в фирме мистера Грингольца – «Грингольц, Симмонс и Лидербеттер» на Грейсхолм-стрит, – Виктория решила развлечь трех других машинисток и парнишку-курьера небольшой, но яркой пародией на миссис Грингольц, пожаловавшую к супругу на работу. Убедившись, что сам мистер Грингольц отправился к своим солиситорам, она дала себе волю.

– Ну почему, папочка, мы не можем купить это? – противным режущим голосом обратилась она к публике. – Вот у миссис Дивтакис такое уже есть, с голубой атласной обивкой. Говоришь, у нас туго с деньгами? Тогда зачем ты водишь ту блондинку в ресторан и на танцы? А, думаешь, я не знаю? И уж если у тебя есть блондинка, то пусть у меня будет канапе. С лиловой обивкой и золотыми подушечками. И не говори, что это был деловой обед, потому что ты, чертов дурень, явился домой с помадой на рубашке… Значит, так, я получаю канапе и заказываю меховую пелерину… она такая чудная, совсем как норка, но на самом деле не норка, будет дешево и выгодно…

В этот момент аудитория, внимавшая ей дотоле с живым интересом, словно по команде возобновила прерванную работу, и Виктория, остановившись, обернулась и увидела стоящего в дверях мистера Грингольца.

Не придумав ничего подходящего, она произнесла лишь растерянно:

– Ой!

[5] Тутинг – лесопарковая зона на юге Лондона.

Мистер Грингольц фыркнул, после чего, сбросив пальто, прошествовал в свой кабинет и хлопнул дверью. А через секунду-другую пискнул зуммер – два коротких и один долгий. Вызывали Викторию.

– Тебя, Джонси, – сообщила безо всякой на то необходимости одна из коллег, и глаза ее вспыхнули злорадным удовольствием, которое доставляют некоторым несчастья других. Остальные машинистки, судя по репликам – «*Напросилась, Джонси*» и «*На ковер, Джонси*», – разделяли это чувство. Посыльный, неприятный мальчишка, ограничился тем, что провел пальцем поперек горла и зловеще хрипнул.

Прихватив блокнот и карандаш, Виктория вплыла в кабинет босса с выражением совершенной невинности.

– Вызывали, мистер Грингольц? – спросила она, дерзко глядя на него ясными глазами.

Мистер Грингольц бросил на стол три банкноты по одному фунту и сунул руку в карман в поисках мелочи.

– Явились, значит, – заметил он. – Так вот, юная леди, с меня довольно. Можете ли вы назвать причину, почему я не должен выдать вам недельное жалованье и рассчитать прямо сейчас?

Виктория, бывшая сиротой, уже открыла рот, чтобы поделиться с боссом жалостливой историей о перенесенной ее бедной мамой операции, из-за чего она, Виктория, расстроилась и плохо соображает, а ее крохотное жалованье – это все, на что вышеуказанная мама может рассчитывать, но, увидев перед собой болезненное лицо мистера Грингольца, передумала.

– Совершенно с вами согласна, – сказала она с искренним воодушевлением. – Думаю, вы абсолютно правы, если, конечно, понимаете, что я имею в виду.

Мистер Грингольц слегка опешил, поскольку не привык, чтобы увольняемые встречали увольнение таким вот согласием и одобрением. Скрывая замешательство, он перебрал кучку монет на столе и со словами «девяти пенсов не хватает» снова полез в карман.

– Ничего страшного, – милостиво махнула рукой Виктория. – Сводите себя в кино или побалуйте сладким.

– И марок тоже нет.

– Неважно. Я писем не пишу.

– Пожалуй, перешлю позже, – сказал мистер Грингольц, но прозвучало это не очень убедительно.

– Не утруждайте себя. Как насчет рекомендации?

Мистер Грингольц ощутил новый прилив раздражения.

– С какой это стати мне давать вам рекомендацию? – гневно вопросил он.

– Таков порядок, – сказала Виктория.

Мистер Грингольц достал листок бумаги, набросал несколько строчек и подтолкнул к Виктории:

– Подойдет?

Мисс Джонс проработала у меня два месяца в должности машинистки-стенографистки. Стенографирует неточно, печатает с ошибками. Уволена по причине бездельничанья в рабочее время.

Виктория состроила гримаску.

– Рекомендацией такое не назовешь, – заметила она.

– А я и не намерен вас рекомендовать, – заявил мистер Грингольц.

– Полагаю, вам следовало бы по крайней мере отметить, что я честна, не пью и прилично себя веду. Это ведь правда. Ну, и можете добавить, что я умею держать язык за зубами.

– Держать язык за зубами? – рявкнул мистер Грингольц.

Виктория ответила на этот выпад невинным взглядом.

– Именно так, держать язык за зубами, – мягко повторила она.

Тут мистер Грингольц вспомнил кое-какие письма, отпечатанные под его диктовку Викторией, и решил, что ненависти нет без осторожности.

Смахнув со стола листок, он порвал его в клочья и взял другой.

Мисс Джонс отработала у меня два месяца машинисткой-стенографисткой. Увольняется по причине сокращения штата.

– Можно бы и лучше, – сказала Виктория, – но сойдет и так.

II

И вот теперь, с недельным жалованьем (минус девять пенсов) в сумочке, Виктория сидела в раздумьях на скамейке в Фицджеймс-гарденс, представляющем собой зеленый участок с довольно-таки жалкими кустиками и примыкающем к церкви и большому магазину.

Обычно, если только не шел дождь, Виктория покупала два сэндвича – с сыром и с помидором и салатом – в молочном баре и съедала этот скромный ланч в псевдопасторальном окружении.

Сегодня, задумчиво жуя сэндвич, она говорила себе – уже не в первый раз, – что для всего есть время и место и офис определенно не самая подходящая сцена, чтобы передразнивать жену босса. В будущем нужно обязательно сдерживать природную неугомонность и не освежать скучную работу такими вот представлениями. А пока, освободившись от «Грингольца, Симмонса и Лидербеттера», можно было предаться волнительным мечтам о новой работе. Эта перспектива всегда наполняла ее приятным предвкушением. Никогда ведь не знаешь, что может случиться и что тебя ждет.

Она бросила последние крошки трем дожидавшимся своей очереди воробьям, которые тут же вступили за них в отчаянную схватку, и только тогда обратила внимание на молодого человека, сидящего на другом конце скамейки. Собственно, заметила его Виктория еще раньше, но тогда, увлеченная вариантами прекрасного будущего, не рассмотрела как следует. То, что она увидела (краешком глаза), ей очень понравилось. Симпатичный молодой человек с ангельскими кудряшками, решительным подбородком и пронзительными голубыми глазами, которые, как ей показалось, взирали на нее с затаенным восхищением. Никаких комплексов в отношении знакомства с молодыми людьми в общественных местах у Виктории не было. Она считала, что разбирается в людях и вполне в состоянии сдержать любые проявления чрезмерного энтузиазма со стороны развязных представителей сильного пола.

Сейчас ей достаточно было улыбнуться, чтобы молодой человек отреагировал как марионетка, которую дергают за ниточку.

– Привет. Милое местечко. Вы часто сюда приходите?

– Почти каждый день.

– Надо же! А я вот впервые заглянул… Это был ваш ланч?

– Да.

– По-моему, таким не наешься. Мне бы двух сэндвичей точно не хватило. Может, сходим на Тоттенхэм-Корт-роуд поедим сосисок?

– Нет, спасибо. С меня достаточно. Больше я сегодня уже не ем.

Виктория ожидала, что он скажет: «Ну, тогда как-нибудь в другой день», но он только вздохнул.

– Меня зовут Эдвард, а вас?

– Виктория.

– Родители назвали вас в честь железнодорожного вокзала?

– Виктория – это не только железнодорожный вокзал, – напомнила мисс Джонс. – Есть еще королева Виктория.

– Мм, да… А фамилия?

– Джонс.

– Виктория Джонс, – произнес медленно Эдвард, словно прислушиваясь к звучанию, и покачал головой: – Нет, не сочетаются.

– Вы правы, – с жаром подхватила Виктория. – Совсем другое дело, будь я Дженни. Дженни Джонс. Виктория же требует чего-то более классного. Например, Виктория Сэквиль-Уэст. Вот это было бы то, что надо. Было бы что покатать во рту.

– Можно добавить что-то к фамилии, – с сочувственным интересом предложил Эдвард.

– Бедфорд-Джонс.

– Кэрисбрук-Джонс.

– Сент-Клэр-Джонс.

– Лонсдейл-Джонс.

Забавная игра оборвалась, когда Эдвард взглянул на часы и чертыхнулся.

– Я должен вернуться на работу – босс ждет. А вы?..

– Безработная. Выставили сегодня утром.

– О… Мне так жаль… – с искренним сожалением сказал Эдвард.

– Не надо. Я вот нисколько не сожалею. Во-первых, найти другую работу совсем не трудно, а кроме того, получилось довольно забавно.

И, еще более задерживая опаздывавшего на службу Эдварда, Виктория вдохновенно воспроизвела утреннюю сцену, еще раз спародировав миссис Грингольц, к величайшему удовольствию единственного зрителя.

– Вы изумительны, Виктория. Вам бы играть на сцене.

Приняв похвалу с благодарной улыбкой, она сказала, что ему стоит поспешить, чтобы и самому не оказаться без работы.

– Да. И мне найти другое место будет не так легко, как вам. Как, наверное, замечательно быть хорошей машинисткой-стенографисткой, – завистливо вздохнул Эдвард.

– Ну, вообще-то я не такая уж хорошая машинистка, – призналась Виктория. – Но, к счастью, в наше время на работу берут и никудышных. В образовании и благотворительных организациях много платить не могут, поэтому принимают и таких, как я. Мне больше нравится та работа, что с наукой связана. Все эти научные термины, имена, они такие жутко трудные, что если и ошибешься, то стыдить не будут, потому что, как правильно, никто и не знает. А вы где работаете? Наверняка ведь служили. BBC, да?

– Угадали.

– Летчик-истребитель?

– И снова в точку. Нет, обращаются они с нами прилично, дают работу и все такое, но, понимаете, проблема в том, что мы сами не слишком-то мозговитые. Я к тому, что в BBC не за ум принимают. Меня вот посадили в офис, где куча папок, где числа всякие, где думать надо, и я просто увял. Что, зачем, куда – бестолковщина какая-то. Так-то вот. Не очень-то приятно сознавать, что ты ни на что не годен.

Виктория сочувственно кивнула.

– Отстал от жизни. Оказался не при делах, – с горечью продолжал Эдвард. – На войне было проще – дерись, делай все, что можешь, стой до конца. Я, например, получил медаль «За летные боевые заслуги». А теперь… что я есть, что нет… пустое место.

– Но должно же быть…

Виктория не договорила. Не смогла вложить в слова свою убежденность в том, что те качества, благодаря которым человек заслужил медаль, должны найти достойное применение и в 1950 году.

– Меня это сильно подрезало, – признался Эдвард. – Ну, что я не годен ни на что. Ладно, мне пора бежать. Я… вы не будете против… не сочтете за наглость с моей стороны… если бы я только мог…

Пока Виктория удивленно хлопала глазами, Эдвард, запинаясь и краснея, достал маленький фотоаппарат.

– Мне бы очень хотелось… сфотографировать вас. Понимаете, я уезжаю завтра в Багдад.

– В Багдад? – разочарованно воскликнула Виктория.

– Да. Сейчас я бы уже предпочел остаться, но утром ухватился за предложение обеими руками… Я, в общем-то, потому и согласился на эту работу – чтобы уехать из страны.

– Что же это за работа?

– Просто жуть. Культура… поэзия и все такое. Мой босс – какой-то доктор Рэтбоун. У него после фамилии еще несколько строчек всяких букв, звания да степени. И смотрит так задумчиво через пенсне… Занимается распространением интеллектуальных и духовных знаний по всему миру. Открывает книжные магазины в далеких странах и начинает с Багдада. У него там Шекспир и Милтон в переводе на арабский, курдский, персидский и армянский. Глупо, по-моему, потому что примерно тем же занимается Британский совет. Но что есть, то есть. Рэтбоун дает мне работу, так что жаловаться не могу.

– А какие у вас обязанности? – спросила Виктория.

– Вообще-то, все сводится к тому, что я при старике кем-то вроде личного мальчика на побегушках. Покупка билетов, заказ номеров, заполнение паспортных бланков, упаковка этих чертовых поэтических хрестоматий, то-се, пятое, десятое… Потом, уже на месте, надо будет налаживать всякие там братские связи, проталкивать идеи культурного взаимодействия молодежи… – В голосе Эдварда зазвучали унылые нотки. – По правде говоря, жуть жуткая, да?

Виктория не нашлась, что возразить.

– В общем, – продолжал Эдвард, – если не возражаете, давайте сделаем две фотографии – одну сбоку и одну… смотрите прямо на меня. Вот так, замечательно…

Аппарат дважды щелкнул, запечатлев на лице Виктории то выражение расслабленного самодовольства, что свойственно многим женщинам, когда они знают, что произвели благоприятное впечатление на представителя противоположного пола.

– Какая досада, что приходится уезжать, когда мы только-только с вами познакомились! Я даже почти решился отказаться, но поступить так в последний момент, когда все бумаги заполнены и визы получены, было бы, наверное, нехорошо. Так ведь не делают, правда?

– Может быть, все обернется к лучшему, – утешила своего нового знакомого Виктория.

– Вряд ли, – с сомнением протянул Эдвард и, помолчав, добавил: – Странное дело, у меня такое чувство, будто что-то там нечисто.

– Нечисто?

– Да. Как будто это все ненастоящее. Только не спрашивайте, почему я так думаю. Сам не знаю. Бывает иногда такое предчувствие. У меня такое с масляным каналом было. Стал разбираться – и точно, в шестеренном насосе прокладка слетела.

Технические термины, в которые Эдвард облек свое высказывание, были для Виктории полной тарабарщиной, но главное она поняла.

– Так этот Рэтбоун, по-вашему, не тот, за кого себя выдает?

– Не представляю, как такое возможно? Человек он черт знает какой почтенный, уважаемый, входит во всякие там общества, на короткой ноге с архиепископами да ректорами университетов. Нет, это просто чувство такое… В любом случае время покажет. Ну, тогда пока. Жаль, что вы не можете поехать.

– Я бы с удовольствием.

– Что будете делать?

– Пойду в агентство при Сент-Гилдрике на Гоуэр-стрит, поищу другую работу, – уныло сказала Виктория.

– Прощайте, Виктория. Партир, сэ мурир он пё[6]. – Вторая фраза прозвучала у Эдварда с типичным британским акцентом. – Эти парни, французы, дело знают. А наши олухи несут всякую бредятину насчет сладкой печали расставания…

---

[6] Партир, сэ мурир он пё (*искаж. фр.*) – «Расставание – маленькая смерть». Эдвард сравнивает эту французскую фразу

– Прощайте, Эдвард, и удачи.

– Вы обо мне, наверное, и не вспомните.

– Вспомню.

– Вы совсем не такая, как другие девушки. Я бы только хотел… – Часы пробили четверть. – Черт, мне надо лететь…

Он торопливо отступил и исчез в громадном чреве Лондона. Оставшись одна на скамейке и предавшись размышлениям, Виктория обнаружила, что мысли ее растекаются двумя потоками.

Один шел в русле темы Ромео и Джульетты. Они с Эдвардом оказались примерно в том же положении, что и эта несчастная пара, хотя Ромео и Джульетта, возможно, выражали свои чувства языком более высоким. Но ситуация та же. Встреча… внезапно вспыхнувшее взаимное влечение… крушение надежд… и два нежных сердца разлучены. Виктории вспомнился стишок, который она часто слышала от старушки няни.

«Я люблю тебя, Алиса», – Джумбо говорил,
А Алиса отвечала: «Верить нету сил.
Не оставил в зоопарке, если бы любил,
И в Америку тогда бы сам не укатил».

Замени Америку на Багдад – и все как про нее с Эдвардом.

Виктория наконец поднялась, смахнула с юбки крошки и, выйдя из Фицджеймс-гарденс, зашагала в направлении Гоуэр-стрит. Она уже приняла два решения, и первое (в духе Джульетты) сводилось к тому, что она должна заполучить того, кого полюбила.

Второе решение вытекало из первого. Раз уж Эдвард уезжает в Багдад, то и ей не остается ничего другого, как отправиться туда же. Вот только как это сделать? В том, что такое решение возможно, Виктория не сомневалась. Чего-чего, а оптимизма и силы характера ей было не занимать.

Сладкая печаль расставания устраивала ее не больше, чем Эдварда.

«Мне нужно попасть в Багдад», – сказала она себе.

с фразой Шекспира в «Ромео и Джульетте», в которой «расставание – сладкая печаль» (*англ.* parting is such sweet sorrow).

Глава 3

I

В отеле «Савой» мисс Анну Шееле встретили с подчеркнутой любезностью, как давнего и уважаемого клиента: осведомились о здоровье мистера Моргенталя и заверили, что, если приготовленный номер окажется не по вкусу, ей тут же предложат другой, – поскольку она представляла ДОЛЛАРЫ.

Мисс Шееле приняла ванну, оделась, позвонила по кенсингтонскому номеру и спустилась в лифте вниз. Пройдя через вращающиеся двери, она подозвала такси и, когда машина подошла, села и попросила отвезти ее к магазину «Картье» на Бонд-стрит.

Едва лишь такси, отъехав от «Савоя», свернуло на Стрэнд, как невысокий смуглолицый мужчина, только что разглядывавший витрину, вдруг бросил взгляд на часы и подозвал другое такси, как нельзя кстати проезжавшее мимо и не обращавшее внимание на женщину с покупками, всячески пытавшуюся привлечь к себе внимание.

Второе такси также свернуло на Стрэнд и последовало за первым. На Трафальгар-сквер, когда обе машины остановились перед светофором, пассажир второго такси выглянул в левое окошко и сделал едва заметный жест рукой. Частный автомобиль, стоявший на боковой улочке у арки Адмиралтейства, тут же вышел из спячки и влился в поток движения, пристроившись за вторым такси.

Загорелся зеленый. Такси с Анной Шееле свернуло налево, на Пэлл-Мэлл; второе такси, со смуглолицым мужчиной, свернуло направо, продолжая движение вокруг Трафальгарской площади. За первым такси следовал теперь, не отставая далеко, частный автомобиль, серый «Стандарт». За рулем последнего сидел светловолосый, рассеянного вида мужчина, рядом с ним расположилась элегантно одетая молодая женщина. Обе машины прошли по Пикадилли и оказались на Бонд-стрит. Здесь «Стандарт» на секунду остановился у тротуара, и женщина вышла из машины.

– Большое спасибо, – бросила она любезно, и блондин покатил дальше.

Молодая особа зашагала вперед, то и дело поглядывая в витрины. Миновав застрявшие в пробке такси с Анной Шееле и «Стандарт», она первой достигла ювелирного магазина и вошла.

Анна Шееле расплатилась с таксистом и направилась в «Картье». Некоторое время она рассматривала представленные образцы ювелирной продукции и в конце концов остановила выбор на кольце с сапфиром и брильянтами. Чек мисс Шееле выписала на один из лондонских банков. Увидев проставленное в чеке имя, продавец расплылся в улыбке:

– Рад снова видеть вас в Лондоне, мисс Шееле. Мистер Моргенталь тоже здесь?

– Нет.

– Я к тому, что у нас есть сейчас прекрасный сапфир, а мистер Моргенталь, насколько мне известно, интересуется сапфирами. Не желаете ли взглянуть сами?

Мисс Шееле выразила готовность увидеть драгоценный камень, повосхищалась им должным образом и пообещала сообщить мистеру Моргенталю.

Едва она вышла на Бонд-стрит, как примерявшая клипсы молодая особа заявила, что не готова пока их покупать, и тоже поспешила из магазина.

Серый «Стандарт» повернул налево, на Графтон-стрит, и, проехав по Пикадилли, снова выкатился на Бонд-стрит. Его недавняя пассажирка, если и заметила машину, сделала вид, что не узнала ее.

Между тем Анна Шееле завернула в пассаж и вошла в цветочный магазинчик. Там она заказала три дюжины роз, вазу с большими пурпурными фиалками, дюжину веточек сирени и вазу с мимозой. Потом продиктовала адрес, куда это все следует доставить.

– С вас двенадцать фунтов и восемнадцать шиллингов, мадам.

Анна Шееле расплатилась и вышла. Молодая особа, вошедшая в магазин вслед за нею, поинтересовалась, сколько стоит букетик примул, но покупать ничего не стала.

Анна Шееле пересекла Бонд-стрит, прошла по Берлингтон-стрит и повернула на Сэвилл-роу. Здесь она заглянула в одно из тех швейных ателье, которые, обслуживая преимущественно мужчин, время от времени нисходят до того, чтобы удостоить своим вниманием некоторых привилегированных особ прекрасного пола.

Мистер Болфорд принял гостью с уважением, соответствующим статусу почтенного клиента, и показал подходящие для костюма материалы.

– Какая удача! Могу гарантировать самое лучшее исполнение. Вы когда возвращаетесь в Нью-Йорк?

– Двадцать третьего.

– В таком случае мы прекрасно справимся. Самолетом, полагаю?

– Да.

– И как дела в Америке? У нас здесь все очень печально… очень печально. – Доктор Болфорд покачал головой, как врач, описывающий безнадежного больного. – Понимаете, с душой уже никто не работает. Таких, кто приходит в профессию с гордостью за ремесло, больше нет. Знаете, кто будет кроить ваш костюм? Мистер Лентуик. Ему семьдесят два, и он – единственный, кому я могу доверить работу с нашими лучшими клиентами. Остальные…

Мистер Болфорд развел пухлыми ручками.

– Качество. Вот чем славилась эта страна. Качеством! Никакой дешевки, никакой вульгарности. Массовая продукция – не наш профиль. Это факт, с которым не поспоришь. Массовое производство – специализация вашей страны. Повторяю снова, наше дело – качество. Никакой спешки, делать что нужно и создавать вещи, сравниться с которыми не может ничто в мире. На какой день назначим первую примерку? Ровно через неделю? В половине двенадцатого? Большое спасибо.

Пробравшись в дремучем полумраке между кипами тканей, Анна Шееле снова вынырнула на солнечный свет, остановила такси и вернулась в «Савой». Другое такси, стоявшее на противоположной стороне улицы, со смуглолицым мужчиной за рулем, проследовало тем же маршрутом, но к отелю сворачивать не стало, а выехало на набережную и там подобрало невысокую толстушку, незадолго до того выскользнувшую из «Савоя» через служебную дверь.

– Ну что там, Луиза? Осмотрела ее номер?

– Да. Ничего.

Анна Шееле перекусила в ресторане – для нее оставили столик у окна. Во время ланча метрдотель вежливо осведомился о здоровье Отто Моргенталя.

Потом она взяла ключ и поднялась в свой номер. Постель была убрана, в ванной лежали свежие полотенца, все чисто, нигде ни пылинки. Анна подошла к двум легким чемоданам, составлявшим весь ее багаж. Один был открыт, другой заперт. Она просмотрела содержимое первого, достала ключики из сумочки и открыла второй. Все сложено аккуратно, как сложила она сама, в том же порядке, ничто не нарушено. Наверху – кожаный портфель. В углу – маленькая «лейка» и две кассеты с пленкой. Кассеты запечатаны, их не вскрывали. Анна поддела ногтем крышку. И мягко улыбнулась. Лежавший под нею почти незаметный светлый волосок исчез. Она ловко посыпала пудрой блестящую кожу портфеля, а потом осторожно сдула ее. Портфель остался чистым. Ни одного отпечатка. А ведь она трогала порт-

фель утром, после того как смазала волосы брильянтином, и отпечатки на нем должны были быть. Ее собственные.

Анна снова улыбнулась:

– Хорошая работа. Но не очень.

Она собрала небольшую дорожную сумку и снова спустилась. Портье вызвал такси. Анна назвала шоферу адрес: дом 17, Элмсли-гарденс.

Элмсли-гарденс был тихим местечком, довольно запущенным кварталом в районе Кенсингтон-сквер. Анна расплатилась с таксистом, взбежала по ступенькам к обшарпанной передней двери и нажала кнопку звонка. Через несколько минут дверь открыла пожилая женщина с настороженным выражением лица, которое тут же сменилось приветливой улыбкой:

– Вот уж мисс Элси обрадуется! Она в кабинете, сзади. Тем только и держится, что о вас думает да ждет.

Анна быстро прошла по темному коридору и открыла дверь в самом его конце. Кабинет был небольшой, бедно обставленной, но уютно обжитой комнатой с потертыми кожаными креслами. Женщина, сидевшая в одном из них, вздрогнула от неожиданности.

– Анна, дорогая…

– Элси…

Они нежно расцеловались.

– Все уже обговорено, – сказала Элси. – Пойду сегодня. Надеюсь…

– Не тревожься, – успокоила ее Анна. – Все будет хорошо.

II

Невысокий смуглолицый мужчина в дождевике вошел в телефонную будку на станции метро Кенсингтон-Хай-стрит и набрал номер.

– Граммофонная компания «Вальхалла»?

– Да.

– Сандерс на проводе.

– Сандерс с реки? [7] Какой реки?

– Реки Тигр. Отчет по А. Ш. Получен сегодняшним утром из Нью-Йорка. Заходила в «Картье». Купила кольцо с сапфиром и брильянтом за сто двадцать фунтов. Заходила в цветочный Джейн Кент. Потратила двенадцать фунтов и восемнадцать шиллингов на цветы с доставкой в частную лечебницу в Портленд-плейс. Заказала костюм, жакет с юбкой, в «Болфорд-энд-Эйвори». Сомнительных контактов ни одно из этих заведений, насколько нам известно, не поддерживает, но в будущем к ним придется присмотреться повнимательнее. Номер А. Ш. в «Савое» проверен. Ничего подозрительного не обнаружено. В портфеле найдены документы по сделке с Вольфенштайнами. Все законно. Фотоаппарат с двумя кассетами пленки, похоже неиспользованной. Учитывая, что пленки могли содержать какие-то данные, их заменили. Проведенная впоследствии проверка показала, что оригинальные пленки чистые. Далее А. Ш. отправилась к сестре, проживающей по адресу: Элмсли-гарденс, семнадцать. С собой взяла маленькую дорожную сумку. Сегодня утром сестра поступает в частную больницу в Портленд-плейс на операцию. На этот счет есть подтверждение из лечебницы и данные из журнала записей хирурга. Так что приезд Анны Шееле вполне оправдан. Слежки, похоже, не заметила, признаков беспокойства не выказала. Тот факт, что она остается на ночь в Портленд-плейс, вполне понятен. Номер в «Савое» сохранен за нею. В Нью-Йорк возвращается двадцать третьего самолетом.

Человек, назвавший себя Сандерсом, помолчал, после чего выразил свое личное мнение:

– На мой взгляд, дело пустое и ничего тут нет. Транжирит денежки, вот и всё… Подумать только, двенадцать фунтов на цветы! Это вам как?

[7] Сандерс с реки (*англ.* Sanders of the River) – ссылка на одноименный роман Э. Уоллеса.

Глава 4

I

Весомым свидетельством оптимизма и позитивного настроя Виктории можно считать тот факт, что она ни на секунду не усомнилась в достижимости поставленной цели. Строчки про корабли, проходящие мимо друг друга в ночи, не для нее. Досадно, конечно, что стоило ей только – что ж, будем откровенны – запасть на симпатичного парня, как вдруг получается, что этот парень вот-вот отправится чуть ли не на край земли, за три тысячи миль от Лондона. А ведь запросто могли бы послать в Абердин, Брюссель или даже Бирмингем… Так нет же, Багдад. Вот уж повезло так повезло. Тем не менее какой бы трудной ни представлялась задача, она твердо решила, что попадет туда так или иначе.

Решительно шагая по Тоттенхэм-Корт-роуд, Виктория перебирала способы и средства. Что такого есть в Багдаде? Эдвард говорил что-то про «культуру». Можно ли воспользоваться этим ходом? ЮНЕСКО? Они постоянно отправляют людей то туда, то сюда, то в совершенные прелестные места. Да только посылают не кого-нибудь, а девиц с университетскими степенями, которые давно уже при делах.

Следуя принципу «делай все по порядку», Виктория направилась в туристическое агентство, где и навела кое-какие справки. Оказалось, что отправиться в Багдад совсем даже не проблема. Можно самолетом. Можно морем – до Басры. Можно поездом до Марселя, потом морем до Бейрута и дальше через пустыню – уже автомобилем. А еще можно через Египет. Или всю дорогу поездом, но визы в наше время – дело трудное и ненадежное, и срок их действия частенько истекает к моменту получения. С деньгами проблем не возникнет, поскольку Багдад входит в стерлинговую зону. В общем, все легко – с точки зрения турагента. Добраться до Багдада не составляло труда для любого, у кого в кармане завалялось от шестидесяти до сотни фунтов стерлингов.

У Виктории на данный момент имелось три фунта и десять шиллингов (без девяти пенсов) наличными и еще пять фунтов и двенадцать шиллингов в сберегательном банке. Так что простой и легкий способ был не для нее.

Она осторожно поинтересовалась возможностью получить место стюардессы, но из ответов поняла, что желающих хватает и для начала нужно встать в очередь.

Следующим местом, куда отправилась Виктория, было агентство по трудоустройству. Восседавшая за рабочим столом мисс Спенсер приветствовала ее как старую знакомую, которой самой судьбой определено появляться в конторе с некоей периодичностью.

– Боже мой, мисс Джонс! Неужто снова не у дел? Я, по правде сказать, надеялась, что последнее место…

– Оно совершенно невозможное, – твердо заявила Виктория. – Я там с таким столкнулась, что даже говорить не хочется.

Бледные щеки мисс Спенсер вспыхнули от удовольствия.

– Нет… полагаю, это не… Мне он таким не показался. Немного грубоват, конечно, но, надеюсь…

– Всё в порядке, – с достоинством ответила Виктория и изобразила храбрую улыбку. – Я могу о себе позаботиться.

– О, конечно, но такая неприятность…

– Да. Неприятность. Однако… – Виктория снова храбро улыбнулась.

Мисс Спенсер заглянула в свои бумаги.

– «Обществу содействия матерям-одиночкам» при Святом Леонарде требуется машинистка. Платят они, конечно, не ахти как…

– А нет ли, случайно, – перебила ее Виктория, – какого-нибудь местечка в Багдаде?

– В Багдаде? – искренне изумилась мисс Спенсер.

Виктория поняла, что с таким же успехом могла бы назвать Камчатку или Южный полюс.

– Мне бы очень хотелось попасть в Багдад.

– Вообще-то, не думаю… Вы имеете в виду место секретарши?

– Любое. Сиделкой, поварихой. Присматривать за умалишенными. Все равно что.

Мисс Спенсер покачала головой:

– Я бы особенно не надеялась. Вчера была одна леди с двумя девочками; так вот, она предлагала проезд до Австралии.

Отклонив Австралию, Виктория поднялась.

– Если услышите что-нибудь… Оплаченный проезд – это все, что мне надо. – Встретив любопытный взгляд мисс Спенсер, она поспешила объяснить: – У меня там… родственники. А у них много хорошо оплачиваемой работы. Но, разумеется, сначала туда нужно попасть.

– Да, – повторила Виктория, выходя из агентства по трудоустройству. – Сначала туда нужно попасть.

К досаде Виктории, как это часто бывает, когда сосредоточиваешь внимание на каком-то имени или предмете, всё вокруг, словно сговорившись, так или иначе направляло ее мысли на Багдад.

Короткая заметка в вечерней газете сообщала, что доктор Понсфут Джонс, известный археолог, приступил к раскопкам на месте древнего города Мурика в ста двадцати милях от Багдада. В рекламном объявлении упоминалась морская линия до Басры, откуда поезда шли затем в Багдад, Мосул и так далее. Со страницы старой газеты, выстилавшей ящик комода, в глаза бросились строчки о студентах в Багдаде. В местном кинотеатре шел «Багдадский вор», а в витрине модного книжного магазина интеллектуальной литературы, куда Виктория всегда заглядывала, красовалась «Новая биография Гаруна-аль-Рашида, халифа багдадского».

Весь мир, казалось, вдруг вспомнил о Багдаде, хотя еще сегодня, приблизительно до без четверти два, она ни разу не вспоминала об этом городе и уж точно не думала о нем.

Перспективы добраться туда выглядели не слишком радужными, но Виктория и не думала сдаваться. Обладая изобретательным умом и оптимистичным взглядом на жизнь, она считала, что, если хочешь достичь цели, способ всегда найдется.

Вечер был потрачен на составление списка возможных вариантов. В нем значились следующие пункты:

Заглянуть в Форин-офис?
Поместить объявление?
Зайти в посольство Ирака?
Поискать счастья в фирмах, занимающихся ввозом фиников?
В судоходных компаниях?
Наведаться в Британский совет?
В информационную службу Селфриджа?
В Бюро консультации населения?

Ни один пункт, это приходилось признать, не выглядел многообещающим. Подумав, Виктория приписала еще один:

Как раздобыть сто фунтов?

II

Было ли тому причиной чрезмерное напряжение умственных усилий или свою роль сыграло подсознательное ощущение свободы и отсутствия необходимости спешить на работу к девяти часам, – так или иначе на следующее утро Виктория проспала.

Проснувшись в пять минут одиннадцатого, она тут же вскочила и принялась одеваться. Телефон зазвонил в момент сражения с последней мятежной прядью.

Виктория схватила трубку. С другого конца донесся определенно взволнованный голос мисс Спенсер:

– Хорошо, что успела вас застать, дорогуша. Это просто чудо, потрясающее совпадение…

– Да? – воскликнула Виктория.

– Я говорю, просто удивительное совпадение. Некая миссис Гамильтон Клипп отправляется через три дня в Багдад. И надо же, сломала руку. Теперь ей нужна помощница в дорогу. Я сразу позвонила вам. Не знаю, обращалась ли она в другие агентства…

– Я уже еду. Где ее найти?

– В отеле «Савой».

– Как, вы сказали, ее фамилия? Трипп?

– Клипп, дорогуша. С двумя «п» на конце. Уж и не знаю почему. Впрочем, она американка, – закончила мисс Спенсер, как будто это все объясняло.

– Миссис Клипп, отель «Савой».

– Мистер и миссис Гамильтон Клипп. Вообще-то, звонил муж.

– Вы ангел, – сказала Виктория. – До свидания.

Она торопливо прошлась щеткой по костюму, который мог бы быть чуточку поопрятнее, поправила прическу, приведя ее в большее соответствие с ролью ангела милосердия и опытной путешественницы. Потом достала рекомендацию мистера Грингольца, прочитала и покачала головой.

Нам нужно что-то получше, сказала себе Виктория.

Выйдя из автобуса номер 19 на остановке Грин-парк, она направилась в отель «Ритц». Решение проблемы принес случайный взгляд на газету, брошенный через плечо соседки в автобусе. Пройдя в почтовое отделение, Виктория набросала несколько хвалебных строк в свой адрес от имени леди Синтии Брэдбери, которая, как сообщалось, только что отправилась из Англии в Восточную Африку. «*...Бесценная помощница в случае болезни... старательная и способная во всех отношениях*» – так охарактеризовала себя Виктория.

Выйдя из «Ритца», она перебежала на другую сторону улицы и прошла по Олбермарль-стрит до отеля «Болдертон», где, как известно, останавливаются высшее духовенство и пожилые дамы из провинции.

Здесь, уже не столь стремительным почерком и с элегантными греческими «е», Виктория написала рекомендацию от имени епископа Лэнгоу.

Снарядившись таким образом, она снова села на «девятку» и доехала до «Савоя».

Внизу, у регистрационного столика, Виктория осведомилась о миссис Гамильтон Клипп и сказала, что ее прислали из агентства по трудоустройству. Портье уже потянулся к телефону, но остановился и кивком указал на высокого и седого, необычайно худого американца с добрым лицом и неторопливой, размеренной речью.

Виктория представилась и сообщила, что пришла из агентства.

– В таком случае, мисс Джонс, вам следует подняться и встретиться с миссис Клипп. Она сейчас в нашем номере. По-моему, разговаривает с какой-то другой девушкой, но, возможно, уже закончила.

Сердце Виктории сжал холодок паники. Неужели все сорвется, когда она в шаге от цели?

Они поднялись на лифте на третий этаж и уже шли по устланному толстым ковром коридору, когда из комнаты в самом конце его вышла молодая женщина. В какой-то момент у Виктории возникло ощущение, что она видит себя. Может быть, потому, что на незнакомке был сшитый на заказ костюм точно такого фасона, который хотела бы носить она сама. «Точно был бы мне впору. У нас один и тот же размер. Так бы и сорвала», – зверея от зависти, подумала Виктория.

Молодая женщина прошла мимо. Слегка сдвинутая набок бархатная шляпка частично скрывала ее лицо, но мистер Гамильтон Клипп с удивлением посмотрел ей вслед.

– Ну и ну, – пробормотал он. – Подумать только! Анна Шееле. – И, решив, что спутница ждет объяснения, добавил: – Извините, мисс Джонс. Эту молодую особу я видел неделю назад в Нью-Йорке. Она – секретарша в одном из наших крупных международных банков.

Он остановился перед дверью, в замке которой был ключ, коротко постучал и отступил, пропуская Викторию вперед.

Миссис Гамильтон Клипп сидела у окна, на стуле с высокой спинкой, и нервно вздрогнула, когда они вошли. Это была миниатюрная, чем-то неуловимо напоминающая птичку женщина с пронзительными глазами. Ее правая рука покоилась в гипсе.

Мистер Клипп представил супруге Викторию.

– Такое несчастье, – торопливо заговорила миссис Клипп. – Представьте, у нас программа, мы наслаждаемся Лондоном, планы составлены, билеты заказаны. В Ираке я собираюсь навестить мою замужнюю дочь. Мы не виделись почти два года. И тут, надо же такому случиться… вообще-то это произошло в Вестминстерском аббатстве… поскользнулась на каменных ступеньках. И вот результат. Меня сразу же доставили в больницу, наложили гипс, так что, учитывая обстоятельства, все не так и плохо. Но я в беспомощном положении и даже не представляю, как смогу путешествовать. У Джорджа дела, и раньше чем через три недели ему не вырваться. Он предложил, чтобы я взяла с собой сиделку, но в Ираке мне сиделка не нужна – Сэди сама обо всем позаботится, – а значит, нужно будет оплачивать ее дорогу назад. В общем, я решила обзвонить агентства и узнать, нет ли кого-то, кто хотел бы сопроводить меня в одну сторону.

– Я не совсем сиделка, – сказала Виктория, тоном давая понять, что на деле так оно и есть. – Но у меня большой опыт по этой части. – Она достала первую рекомендацию. – Я около года работала у леди Синтии Брэдбери. И если потребуется выполнить какую-то секретарскую работу или вести переписку, то мне приходилось заниматься и этим. Видите ли, мой дядя – епископ Лэнгоу, – скромно добавила она.

– Так у вас дядя епископ? Как интересно!

Судя по всему, ей удалось произвести на обоих Клиппов должное впечатление. (Да и как иначе после всех ее трудов и стараний!)

Миссис Гамильтон Клипп передала обе рекомендации мужу.

– По-моему, лучше и быть не может, – сказала она с ноткой уважения. – Подарок судьбы. Господь внял нашим молитвам.

Так оно и есть, подумала Виктория.

– Вы полагаете занять там какое-то место? Или просто к родственникам? – осведомилась миссис Гамильтон Клипп.

Занимаясь рекомендательными письмами, Виктория в спешке совсем забыла подумать о причинах, вынуждающих ее ехать в Багдад. Захваченная врасплох, она снова прибегла к импровизации. И тут ей вспомнилась прочитанная накануне заметка.

– Вообще-то, я еду к дяде, доктору Понсфуту Джонсу, – объяснила она.

– Неужели? К тому самому, археологу?

– Да. – Не слишком ли много дядей, с мимолетной тревогой подумала Виктория. Да еще таких известных. – Меня жутко интересует его работа, но, конечно, у меня нет специальной подготовки, так что оплатить мой проезд экспедиция не может. А вот если я доберусь сама, то смогу присоединиться к их команде и делать что-то полезное.

– Увлекательная, должно быть, работа, – заметил мистер Гамильтон Клипп. – И в Месопотамии археологам есть где развернуться.

– К сожалению, мой дядя, епископ, сейчас в Шотландии. – Виктория повернулась к миссис Клипп: – Но я могу дать вам телефон его секретарши. Она здесь, в Лондоне. Пимлико, восемь-семьдесят шесть-девяносто три, это один из добавочных Фулхэм-пэлас. Будет на месте после, – тут Виктория бросила взгляд на часы, стоявшие на каминной полке, – половины двенадцатого. Если пожелаете, можете позвонить ей и спросить обо мне.

– Конечно, я обязательно… – начала миссис Клипп, но ее перебил муж:

– Знаете, у нас очень мало времени. Самолет вылетает послезавтра. У вас есть паспорт, мисс Джонс?

– Да, – с облегчением ответила Виктория. Год назад, во время отпуска, она ненадолго ездила во Францию, так что паспорт был еще действителен. – Я захватила его с собою – на всякий случай.

– Вот это и есть ответственное отношение к делу, – одобрительно кивнул мистер Клипп. Другая претендентка, если и участвовала в состязании, теперь определенно отстала. Хорошие рекомендации, наличие двух уважаемых дядей и готового паспорта явно склонили чашу весов в ее пользу.

– Вам потребуются визы, – сказал мистер Клипп, забирая паспорт. – Я обращусь к нашему другу, мистеру Берджену, в «Американ экспресс», и он обо всем позаботится. Возможно, вам придется подъехать туда во второй половине дня и расписаться, если понадобится, в документах.

Виктория с готовностью согласилась.

Закрывая дверь, она услышала, как миссис Клипп обращается к мужу:

– Какая милая, целеустремленная девушка… Нам необыкновенно повезло.

Виктория смущенно покраснела.

Поспешив домой, она села к телефону, чтобы, если миссис Клипп позвонит, посчитав необходимым получить подтверждение ее способностей, ответить с тем особенным, рафинированным акцентом, который и положен секретарше епископа. Но миссис Клипп, очевидно под глубоким впечатлением от прямоты и деловитости молодой особы, не стала утруждать себя излишними формальностями. В конце концов, обязанности Виктории как компаньонки исчерпывались несколькими днями путешествия.

Бумаги были должным образом и в нужный срок заполнены и подписаны, требуемые визы получены, и последнюю ночь Виктория провела в отеле «Савой», чтобы помочь миссис Клипп со сборами и быть к семи часам следующего утра в Эруэйз-хаус и оттуда отправиться в аэропорт Хитроу.

Глава 5

Вышедшая двумя днями ранее из болотистой низины, лодка неслышно скользила по тихой глади Шатт-эль-Араба. Поток здесь был быстрый, что избавляло управлявшего лодкой старика от лишних усилий. Движения его были плавными и ритмичными, глаза – полузакрыты. В ритм движениям звучала негромкая, заунывная и кажущаяся бесконечной арабская песня:

Асри бил ель йа йамали
Хадьи алек йа ибн Али

Много раз – все и не сосчитать – и по самым разным случаям спускался Абдул Сулейман, принадлежавший к племени болотных арабов, до самой Басры. Вместе с ним в лодке был другой человек, наряд которого представлял собой столь часто встречающееся в наши дни трогательное сочетание восточного и западного стилей. Поверх длинной полосатой рубахи он носил затасканный китель защитного цвета, старый, заляпанный пятнами и рваный. Концы некогда красного, выгоревшего вязаного шарфа были заткнуты под мундир. Голову его, как дань почтения арабскому платью, покрывала неизменная черно-белая куфия, подвязанная черным шелковым шнуром-агалом. Взгляд затуманенных усталостью глаз рассеянно скользил по излучине реки. В какой-то момент пассажир начал тихонько подтягивать в унисон старику. С виду он ничем не выделялся на фоне месопотамского пейзажа. Ничто не выдавало в нем англичанина, обладателя секрета, перехватить и уничтожить который – вместе с его носителем – жаждали влиятельные люди многих стран.

В памяти его лениво проплывали события последних недель. Засада в горах. Переход через заснеженный перевал. Верблюжий караван. Четырехдневное пешее путешествие по пустыне в компании двух мужчин, тащивших «волшебный ящик». Дни, проведенные в черной палатке, и странствия с племенем анейза, его старыми друзьями. Трудности и опасности, постоянные поиски лазеек в кордонах, выставленных для его поимки.

Генри Кармайкл. Британский агент. Возраст – около тридцати. Волосы русые, глаза темные, рост – пять футов и десять дюймов. Владеет арабским, курдским, персидским, армянским, хинди, турецким и многими горными диалектами. Пользуется поддержкой кочевых племен. Опасен.

Кармайкл родился в Кашгаре, где его отец состоял на правительственной службе. В детстве он легко копировал разнообразные диалекты и говоры – его няньки, а позднее слуги принадлежали к самым разным народностям и племенам. Друзья у него были едва ли не по всему Среднему Востоку, даже в самых диких его уголках.

Контакты подводили только в городах. Сейчас, приближаясь к Басре, Кармайкл понимал, что его миссия достигла критической стадии. Рано или поздно придется вернуться в зону цивилизации. И хотя конечным пунктом назначения был Багдад, он рассудил, что благоразумнее будет достичь столицы кружным путем. План был обговорен и согласован заранее, много месяцев назад, и в каждом иракском городе его ждало подготовленное убежище. Выбрать место, так сказать, для всплытия предоставлялось ему самому. С начальством Кармайкл не связывался даже по непрямым каналам связи, там, где мог бы это сделать. Так было безопаснее. Самый простой план, с участием ждущего в назначенном месте самолета, провалился, что вовсе не стало для него неожиданностью. О предстоящем рандеву узнали враги. Утечка информации! И не в первый уже раз. Смертельно опасная, необъяснимая утечка…

Ощущение опасности нарастало. Здесь, в Басре, – Кармайкл чувствовал это инстинктивно – опасность будет даже больше, чем на самых рискованных этапах маршрута. Провалить дело, когда цель так близка… сама мысль об этом была невыносима.

Старик араб все так же ритмично работал веслами.

– Время близится, сын мой, – пробормотал он, не поворачивая головы. – Да благословит тебя Аллах.

– Не задерживайся в городе, отец. Возвращайся домой. Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

– Это уж как распорядится Всевышний. Все в его руках.

– Иншалла, – повторил пассажир.

На мгновение он пожалел, что судьба определила ему быть человеком Запада, а не Востока. Тогда бы его не волновали шансы на успех или неудачу; ему не пришлось бы снова и снова просчитывать опасности, снова и снова задаваться вопросом, тщательно ли все спланировано и продумано. Вручить ответственность за все Всемилостивому и Всеведущему. Иншалла, я преуспею!

Произнося про себя эти слова, он ощутил нисходящий на него покой и фатализм этой страны. Ощутил и с благодарностью принял. Еще немного, и он сойдет с лодки, ступит на улицы города и бросит перчатку внимательным, бдительным глазам. И успех будет зависеть только от того, удастся ли ему сойти за араба.

Лодка плавно свернула в протоку. Суденышки всевозможных форм и размеров стояли на причале, скользили туда и сюда. Чудесная, почти венецианская сцена: лодки с высокими носами и мягкими, блеклыми красками. Сотни их стояли, теснясь друг к дружке, вдоль берега.

– Пора, – негромко сказал старик. – Ждут ли тебя здесь?

– Да, все договорено. Пришло время прощаться.

– Да будет путь твой прямым, и да продлит Аллах годы твоей жизни.

Подобрав полосатый подол, Кармайкл поднялся и взошел по скользким каменным ступенькам на пристань.

Вокруг бурлила обычная прибрежная жизнь. Рядом с заваленными апельсинами лотками сидели на корточках мальчишки-продавцы. Липкие квадратики пряников соседствовали с горками леденцов, шнурки для ботинок и дешевые гребешки – с мотками резинки. Прогуливающиеся вдоль рядов мерно перебирали четки, то и дело смачно сплевывая на землю. На противоположной стороне улицы, где располагались магазины и банки, деловито сновали молодые *эфенди* [8] в европейских костюмах с фиолетовым отливом. Встречались здесь и европейцы, англичане и иностранцы. И никто не проявил ни малейшего интереса к одному из примерно пятидесяти арабов, только что сошедших на берег.

Неторопливо шагая по улице, Кармайкл взирал на окружающее с живым детским любопытством. Время от времени он, чтобы не выпадать из образа, шумно отхаркивался и сплевывал, не слишком, впрочем, усердствуя, а дважды, остановившись, высморкался, зажав ноздрю пальцами.

Так, изображая чужака в городе, Кармайкл добрался до моста через канал, прошел по нему и оказался на базаре.

Здесь все было шум, гам и суета. Крепкие кочевники прохаживались в толпе, бесцеремонно расталкивая прочих; груженые ишаки пробивались в людской массе под хриплые крики погонщиков: «*Балек… балек…*» Дети ссорились, пищали и бежали за европейцами, повторяя с надеждой: «*Бакшиш, мадам, бакшиш… Мескин-мескин…*»

[8] Эфенди – господин (уважительное обращение к мужчинам в странах Ближнего и Среднего Востока).

Продукция Запада и Востока была представлена здесь в равных пропорциях и лежала бок о бок. Алюминиевые миски, кружки, тарелки и чайники, изделия из кованой меди, серебро из Амара, дешевые часы, эмалированные тазики, вышивка и пестрые персидские ковры, окованные медью сундуки из Кувейта, ношеные пальто, брюки и детские шерстяные кофточки. Местные стеганые покрывала, раскрашенные стеклянные лампы, пирамиды глиняных горшков и кувшинов. Дешевые продукты цивилизации соседствовали с поделками здешних мастеров.

Всё нормально. Всё как всегда. После долгого путешествия по местам куда более диким суета и сумятица выглядели непривычно, но Кармайкл знал, что так и должно быть. Ничего необычного, никакой диссонирующей ноты или признака интереса к своей особе он пока не обнаружил. И тем не менее, обладая инстинктом человека, несколько лет живущего в шкуре преследуемого, Кармайкл ощущал растущее беспокойство, смутную тревогу. Вроде бы ничего такого. Никто не задерживал на нем взгляд. Никто – в этом он был практически уверен – за ним не следил. Однако чувство опасности только усиливалось, и игнорировать его Кармайкл уже не мог.

Он свернул в узкий темный проход, потом направо… налево… нырнул в дверной проем и оказался в дворике, окруженном торговыми палатками. У входа в одну из лавок висели *фервахи* – овчинные полушубки, которые носят на севере. Кармайкл остановился, перебирая товар. Рядом хозяин лавки предлагал кофе покупателю, высокому бородатому мужчине представительной наружности, перевязанный зеленым тарбуш которого указывал на то, что носитель его – *хаджи*, совершивший паломничество в Мекку.

Кармайкл пощупал овчину.

– *Беш хадья*? – поинтересовался он.

– Семь динаров.

– Дорого.

– Так ты доставишь ковры в мой хан? – спросил хаджи.

– Конечно, – заверил его хозяин. – Ты отправляешься завтра?

– На рассвете, в Кербелу.

– Это же мой родной город, Кербела, – заметил Кармайкл. – Последний раз я видел гробницу Хусейна пятнадцать лет назад.

– Святой город, – сказал хаджи.

– В лавке есть фервахи подешевле, – обратился хозяин к Кармайклу.

– Мне нужен белый, с севера.

– Есть такой, в дальней комнате. – Хозяин указал на дверь во внутренней стене.

Все шло по согласованному сценарию – самый обычный для любого базара разговор, – но последовательность ключевых слов была соблюдена верно: «Кербела» и «белый фервах».

И только когда Кармайкл вошел в лавку и посмотрел на торговца, он мгновенно понял – лицо не то. Того, кто был ему нужен, он видел только раз, но память еще никогда его не подводила. Сходство определенно присутствовало, но человек явно был не тот.

Он остановился и с ноткой легкого удивления спросил:

– А где же Салах Хасан?

– Салах – мой брат. Умер три дня назад. Теперь я веду его дела.

Брат? Вполне возможно – уж очень сильное сходство. И также возможно, что департамент привлек к работе брата. Однако в сумрачную дальнюю комнату Кармайкл прошел с еще большей настороженностью. На полках здесь лежали привычные товары: латунные и медные кофейники и молоточки для колки сахара, старинное персидское серебро, груды вышивок, свернутые *аба*, эмалированные дамасские подносы и кофейные сервизы.

Отдельно, на кофейном столике, лежал и аккуратно сложенный белый фервах. Под ним оказался поношенный, в европейском стиле, деловой костюм. В нагрудном кармане –

бумажник с деньгами и документами. В лавку вошел безымянный араб, а выйдет из нее и отправится на встречи в заранее обговоренных местах мистер Уолтер Уильямс, представляющий фирму «Кросс и Ко., импортеры и судовые агенты». Мистер Уолтер Уильямс был человеком вполне реальным – легенда готовилась тщательно – и пользовался заслуженной деловой репутацией. Всё по плану. Облегченно выдохнув, Кармайкл принялся расстегивать свой военный китель. Всё хорошо.

Будь орудием убийства револьвер, миссия Кармайкла на этом бы и закончилась. Но у ножа есть свои преимущества, и в первую очередь бесшумность.

На полке перед Кармайклом громоздился здоровенный медный кофейник, тщательно начищенный в ожидании покупателя, американского туриста, пообещавшего зайти за ним позднее. Блеск лезвия отразился в округлом, сияющем боку кофейника – картина пусть и искаженная, но достаточно полная. Незнакомец выскользнул из-за занавески за спиной Кармайкла и уже вытаскивал из-под одежды длинный изогнутый кинжал. В следующее мгновение клинок вонзился бы в спину жертвы.

Обернувшись с быстротой молнии, Кармайкл ловкой подсечкой свалил нападавшего на пол. Кинжал отлетел в сторону. Кармайкл перепрыгнул через поверженного противника и метнулся в соседнюю комнату, мимолетно отметив изумленно-злобную физиономию торговца и удивленное лицо представительного хаджи. Выскочив из лавки, он пролетел через хан, врезался в базарную толпу, свернул направо, потом налево и, сбавив шаг, неторопливо направился дальше, не проявляя и признака спешки, необычной и привлекающей внимание в этой восточной стране.

Пока он шел – прогулочным шагом, почти бесцельно, иногда останавливаясь перед тем или иным товаром, рассматривая или пробуя на ощупь, – мозг его лихорадочно работал. План провалился! В тщательно отлаженном механизме что-то сломалось! Он снова был один, сам по себе, в чужой, враждебной стране. И прекрасно понимал все значение случившегося.

Опасаться должно не только врагов. Не только противник шел по его следу, и не только противник охранял подходы к цивилизации. Враг проник в систему. Узнал пароли и отзывы. Нападение последовало ровно в тот момент, когда он уже считал себя в безопасности. Впрочем, в том, что измена таилась внутри, не было, наверное, ничего неожиданного. Враг всегда ставил целью внедрить в систему своих людей. Или подкупить того, кто нужен. Это легче, чем может кому-то показаться, ведь покупают не всегда только за деньги.

Что ж, так или иначе, случилось то, что случилось. И теперь он снова в бегах и может рассчитывать только на себя. Без денег. Без новых документов. А им известно, как он выглядит. И, может быть, за ним уже незаметно наблюдают…

Он не оглядывался. Что толку? Его враги – не новички в этой игре.

Неспешно и рассеянно Кармайкл шел дальше, продолжая перебирать возможные варианты. Оставив позади суету базара, он снова перешел по мосту на другой берег канала и продолжил путь, пока не увидел большую, с гербом, доску над дверью. Надпись на ней гласила: «Британское консульство».

Кармайкл огляделся. Никто, казалось, не обращал на него внимания. Что может быть легче, чем переступить порог и войти? Воображение нарисовало картину: открытая мышеловка с соблазнительно манящим кусочком сыра. Так легко и просто для мышки…

Что ж, придется рискнуть. Ничего другого ему не оставалось.

Кармайкл толкнул дверь.

Глава 6

Сидя в приемной Британского консульства, Ричард Бейкер ждал, когда консул освободится от дел.

Утром он сошел на берег с борта «Индийской царицы» и предъявил на таможне свой багаж, состоявший почти полностью из книг. Среди последних затерялась и кое-какая, наспех собранная и брошенная в последнюю минуту, одежда.

«Индийская царица» прибыла по расписанию, и Ричард, в своих расчетах допускавший некоторое опоздание, что частенько случалось с небольшими грузовыми судами, имел теперь в своем распоряжении два свободных дня до выезда, через Багдад, к пункту назначения, Тель-Асваду, где и проходили раскопки древнего города Мурика.

Планы на эти два дня были уже составлены. Ему давно хотелось побывать в Кувейте, где неподалеку от побережья находился холм, предположительно хранивший в себе некие древности. И вот теперь небеса даровали ему возможность исследовать это любопытнейшее место непосредственно.

Приехав в гостиницу при аэропорте, Ричард первым делом поинтересовался, как можно попасть в Кувейт. Оказалось, что самолет туда вылетает следующим утром, в десять часов, и им же через день можно будет вернуться. Все легко и просто. Требовалось, конечно, выполнить неизбежные формальности, получить выездную и въездную визы в Кувейт. Для решения этого вопроса ему нужно было обратиться в Британское консульство. С генеральным консулом в Басре, мистером Клейтоном, Ричард познакомился несколько лет назад в Персии, так что теперь его ждала приятная встреча.

Консульство имело несколько подъездов. Самый большой – для автомобилей. Вторые ворота, поменьше, открывались из сада на дорогу, которая шла вдоль Шатт-эль-Араба. Большинство посетителей попадали в консульство с главной улицы. Ричард, войдя, предъявил документы дежурному, узнал, что генеральный консул занят, но скоро освободится, и был препровожден в комнату ожидания слева от коридора, проходившего через все здание, от входа до сада.

В комнате ожидания уже находилось несколько человек, но Ричард едва удостоил их взглядом. Представители человеческой расы не вызывали у него интереса. Фрагмент древней керамики волновал его куда больше, чем любое из человеческих существ, родившееся в двадцатом веке от Рождества Христова. Мысли его влекли письмена древнего города Маари и странствия племен Вениаминова колена в 1750 году до новой эры.

Трудно сказать, что именно вернуло его в настоящее и мир, населенный живыми людьми. Сначала пришло беспокойство, ощущение напряжения. Пришло оно, как ему показалось, посредством обоняния, через нос. Ничего такого, что он диагностировал бы в точных и ясных терминах, но и ошибки быть не могло, потому что оно, это ощущение, напомнило ему о днях войны. Точнее, об одном конкретном дне, когда его и еще двоих сбросили на парашюте и они, затаившись в холодной предрассветной мгле, ждали нужного момента, чтобы сделать свое дело. В такие минуты, когда падаешь духом, когда в полной мере осознаешь опасность предстоящего предприятия и пугающее бремя ответственности, когда мороз дерет по коже и ты ощущаешь в воздухе кисловатый, едва уловимый запах.

Запах страха…

Сначала он зарегистрировал его только на уровне подсознания. Сознание еще упрямо цеплялось за далекое прошлое. Но настоящее тянуло все сильнее.

Кто-то здесь, в комнате ожидания, испытывал смертельный страх…

Ричард огляделся. Араб в потрепанном военном кителе рассеянно перебирал янтарные четки. Полноватый седоусый англичанин – с виду коммерсант – сосредоточенно писал что-

то в блокноте. Худощавый смуглолицый мужчина расслабленно откинулся на спинку стула; на лице его застыло выражение благодушной отрешенности. Еще один смахивал на местного клерка. Пожилой перс в свободных белых одеждах. Все казались спокойными и бесстрастными.

В щелканье янтарных бусинок стал проступать некий определенный ритм. Ритм странно знакомый. Ричард насторожился. Он уже почти засыпал. Короткий… долгий… долгий… короткий… Да это же морзянка! Определенно, морзянка. Он знал азбуку Морзе, ему приходилось пользоваться ею во время войны. Прочитать сообщение не составляло труда. СОВА. F-L-O-R-E-A-T-E-T-O-N-A. Что за чертовщина? Да, точно. Фраза повторялась. Floreat Etona [9]. И ее отстукивал какой-то оборванец-араб… Стоп, а это что было? Сова. Итон. Сова.

Это же его кличка в Итоне! Его прозвали так из-за неимоверно больших очков с толстыми стеклами.

Ричард внимательно, отмечая каждую деталь, посмотрел на сидящего у противоположной стены араба: полосатая рубаха… старый армейский китель… красный, со спущенными петлями, вязаный шарф… На набережной таких сотни. Их взгляды встретились, но в глазах араба не мелькнуло и тени узнавания. И только бусинки продолжали щелкать.

Это Факир. Будь готов. Тревога.

Факир? Факир… Ну конечно. Факир Кармайкл! Парень, то ли родившийся, то ли живший где-то на краю света – в Туркестане или Афганистане?

Ричард достал трубку. Продул. Заглянул в чашечку. Постучал по стоявшей рядом пепельнице: сообщение принято.

Дальше события развивались так быстро, что позднее ему стоило трудов восстановить их в правильной последовательности.

Араб в рваном кителе поднялся и шагнул к двери. Проходя мимо Ричарда, он споткнулся и, чтобы не упасть, ухватился за Ричарда. Выпрямился, извинился и двинулся дальше.

Все это было так неожиданно и случилось так быстро, что в глазах Ричарда больше походило на сцену из кино, чем из реальной жизни. Толстяк-коммерсант выронил блокнот и сунул руку в карман пиджака. Из-за собственной полноты и облегающего покроя костюма движение получилось неуклюжим, и Ричард воспользовался секундной задержкой. Как только толстяк вынул револьвер, Ричард ударил его по руке. Грохнул выстрел, и пуля ушла в пол.

Араб метнулся в дверь и повернул к кабинету консула, но потом вдруг остановился и бросился к другой двери, той, через которую вошел. В следующее мгновение он был уже на улице.

К Ричарду, все еще державшему за руку толстяка-коммерсанта, подбежал полицейский-кавас. Остальные посетители вели себя по-разному: клерк-иракец вскочил и взволнованно пританцовывал, смуглолицый таращился по сторонам, ничего не понимая, а пожилой перс неподвижно смотрел в пространство.

– Какого черта вы размахиваете револьвером? – возмущенно спросил Ричард.

Короткая пауза…

– Извините, старина, – жалобно заныл толстяк. – Чистая случайность. Простая неловкость.

– Чепуха! Вы собирались выстрелить в того араба, который выскочил на улицу.

[9] Floreat Etona (*лат.*) – «Да процветает Итон!» Девиз Итонского колледжа.

– Нет, старина, нет… Только попугать. Я его признал – жулик… всучил мне поддельное старье на базаре. Это я так… для забавы.

Как и всякий человек тонкой душевной организации, Ричард Бейкер терпеть не мог разного рода скандалы. Приняв такое объяснение толстяка, он мог бы избежать дальнейших публичных разборок. Какие у него доказательства? Да и пойдет ли на пользу самому Кармайклу, если он поднимет шум вокруг этого дела? Скорее всего, нет, если старина Факир выполняет здесь какое-то тайное шпионское задание…

Ричард разжал пальцы, заметив при этом, что коммерсант обливается потом.

Между тем кавас разразился возмущенной тирадой, смысл которой сводился к тому, что приносить оружие в консульство нехорошо, непозволительно и консул будет очень-очень недоволен.

– Прошу прощения. Недоразумение, только и всего. – Толстяк попытался всучить кавасу какие-то деньги, которые жандарм с негодованием отверг. – Тогда я лучше пойду. Не хочу ждать консула. – Он вдруг вручил Ричарду свою визитку. – Если возникнут проблемы, я буду в гостинице, но вообще-то все случившееся – чистая случайность. Неудачная шутка.

Пытаясь сохранить важный вид, коммерсант вышел из комнаты и свернул на улицу. Ричард проводил его взглядом. Он надеялся, что поступил правильно, хотя разобраться, что правильно, а что нет, когда ты в полном неведении, не так-то просто.

– Мистер Клейтон освободился, – сообщил кавас.

Ричард проследовал за ним по коридору. Кабинет консула располагался в самом конце.

Мистер Клейтон, седоволосый мужчина со спокойным, задумчивым лицом, сидел за письменным столом.

– Не знаю, помните ли вы меня, – сказал Ричард. – Мы с вами встречались два года назад в Тегеране.

– Конечно, помню. Вы ведь были тогда, если не ошибаюсь, с Понсфутом Джонсом? Собираетесь поработать с ним и нынче?

– Да. Как раз туда и направляюсь, но тут у меня образовалось несколько свободных дней, и я хотел бы заглянуть в Кувейт. Надеюсь, трудностей не возникнет?

– Ни малейших. Завтра утром есть самолет. Время полета – полтора часа. Я сообщу о вас Арчи Гонту, нашему тамошнему резиденту, и он вас встретит. А переночуете у нас.

– Вообще-то… не хотелось бы беспокоить миссис Клейтон. Я могу пойти в гостиницу.

– Гостиница при аэропорте забита битком, а нам доставит удовольствие принять вас у себя. Моя жена будет рада снова вас видеть. У нас сейчас… дайте-ка посмотреть… да, Кросби из «Ойл компани» и какой-то молодчик от доктора Рэтбоуна – ему надо провезти ящики с книгами через таможню. Идемте наверх, к Розе.

Он поднялся, и они вместе вышли в залитый солнцем сад. Лестничный пролет вел в жилую резиденцию консула.

Наверху лестницы Джерард Клейтон толкнул сетчатую дверь и провел гостя в длинный сумрачный холл с симпатичными коврами на полу и прекрасной мебелью по обе стороны. Прохладный полумрак приятно контрастировал с жарой и режущим глаза солнцем снаружи.

– Роза, Роза! – позвал супругу консул, и из дальней комнаты тут же вышла миссис Клейтон, запомнившаяся Ричарду как женщина жизнерадостная и энергичная. – Дорогая, ты помнишь Ричарда Бейкера? Он бывал у нас в Тегеране с доктором Понсфутом Джонсом.

– Конечно. – Миссис Клейтон протянула гостю руку. – Мы тогда вместе ходили на базар и купили чудесные ковры.

Миссис Клейтон доставляло огромное удовольствие, даже ничего не покупая самой, сопровождать друзей и знакомых и помогать им на местных рынках. Она прекрасно разбиралась в самых разных вещах, знала их истинную цену и умела торговаться.

– Одна из моих лучших покупок, – признался Ричард. – Которой я целиком и полностью обязан вам.

– Бейкер хочет лететь завтра в Кувейт, – сказал Джерард Клейтон. – Я предложил ему переночевать у нас.

– Но если это в какой-то мере затруднит вас… – начал Ричард.

– Вы нисколько нас не затрудните, – заверила его миссис Клейтон. – Лучшую комнату уже занял капитан Кросби, но мы предоставим вам другую, вполне удобную. Не хотите ли купить кувейтский сундучок? У них там сейчас совершенно великолепные сундучки. Мне-то Джерард приобрести еще один не позволит, хотя он был бы весьма полезен для хранения запасных одеял.

– Дорогая, у тебя их уже три, – мягко напомнил Клейтон. – Прошу извинить, Бейкер, но мне нужно вернуться к себе. В комнате ожидания, похоже, произошел какой-то инцидент. Если я правильно понял, кто-то выронил револьвер.

– Кто-нибудь из местных шейхов, наверное, – заметила миссис Клейтон. – Они такие несдержанные и обожают оружие.

– Как раз наоборот, – сказал Ричард. – Это был англичанин. Похоже, собирался выстрелить в какого-то араба. Я выбил у него револьвер.

– Так вы были замешаны во всю эту историю… Я и не знал. – Клейтон достал из кармана визитную карточку. – Роберт Холл, «Ахиллес Уоркс, Энфилд», так он представился. По какому вопросу пришел, я не знаю. Он ведь не был пьян?

– Он объяснил, что это была шутка, – сухо сказал Ричард. – Что револьвер выстрелил случайно.

Клейтон удивленно вскинул брови:

– Коммерсанты обычно не носят в кармане заряженное оружие.

А его не проведешь, подумал Ричард.

– Возможно, мне не следовало его отпускать.

– Когда такое случается, трудно сразу понять, что именно следует делать… Тот, в кого он стрелял, не пострадал?

– Нет.

– Ну, тогда оно, возможно, и к лучшему, что так все закончилось.

– Хотелось бы мне знать, что за этим стояло.

– Да-да. Мне тоже, – немного рассеянно, словно думая о чем-то другом, согласился консул. – Что ж, я должен идти.

Миссис Клейтон провела гостя в гостиную, большую внутреннюю комнату с зелеными подушечками и шторами, и предложила на выбор кофе или пиво. Исследователь предпочел пиво, которое и было доставлено приятно охлажденным.

Хозяйка полюбопытствовала, почему он летит в Кувейт. Ричард объяснил.

Потом она спросила, почему он до сих пор не женился. Ричард ответил, что, наверное, не создан для семейной жизни. Миссис Клейтон заявила, что это ерунда, что из археологов получаются прекрасные мужья, и спросила, приезжают ли в этом сезоне на раскопки молодые женщины. Одна или две, сказал Ричард, не считая, разумеется, миссис Понсфут Джонс.

Миссис Клейтон выразила надежду, что приезжающие девушки окажутся симпатичными, а Ричард ответил, что сказать по этому поводу ему нечего, поскольку сам он их не видел и знает только, что у них нет никакого опыта.

Непонятно почему, в этом месте миссис Клейтон рассмеялась.

Тут в гостиную вошел невысокий коренастый мужчина с резкими манерами, который был представлен как капитан Кросби. Представляя Ричарда, миссис Клейтон сказала, что он – археолог и извлекает из земли необычайно интересные вещицы тысячелетней давности. Капитан Кросби заметил, что никогда не понимал, как археологам удается с такой точно-

стью определить возраст найденных предметов. Всегда считал их отъявленными врунами, со смехом добавил он. Ричард посмотрел на него устало. Нет, правда, стоял на своем капитан, откуда археолог знает, сколько лет той или иной вещи? Ричард сказал, что объяснение заняло бы слишком много времени, и миссис Клейтон поспешила отвести его в комнату.

– Он славный, но, знаете, немного не совсем. Совершенно далек от культуры.

Комната оказалась очень уютной, и мнение Ричарда о хозяйке поднялось на ступеньку выше.

Опустив руку в карман, он, к своему удивлению, извлек на свет сложенный листок, которого точно не было там утром.

Ричард вспомнил, как в комнате ожидания араб, споткнувшись, ухватился за него. Человек с достаточно ловкими пальцами вполне мог незаметно сунуть эту бумажку ему в карман.

Он развернул листок. Грязный, замызганный… похоже, его складывали и разворачивали несколько раз.

Шесть написанных довольно небрежным почерком строчек аттестовали некоего Ахмеда Мохаммеда как старательного и исполнительного работника, умеющего водить грузовик, заниматься мелким ремонтом и при этом совершенно честного. Самая обычная на Востоке рекомендация, по-местному *чит*, подписанная майором Джоном Уилберфорсом и выданная восемнадцать месяцев назад, в чем тоже не было ничего необычного, поскольку владельцы таких бумаг очень ими дорожили.

Сосредоточившись, Ричард тщательно, со свойственной ему дотошностью перебрал события дня.

Теперь сомнений уже не оставалось: Факир Кармайкл опасался за свою жизнь. За ним охотились, и он пришел в консульство. Почему? В поисках безопасности? Но вместо безопасности наткнулся на еще одну, непосредственную угрозу. В консульстве его ждал враг. Коммерсант, должно быть, получил четкое указание: с риском для себя застрелить Кармайкла в официальном учреждении и даже в присутствии свидетелей. Следовательно, дело очень срочное. В таких обстоятельствах Кармайкл обратился за помощью к старому приятелю и передал ему этот – самый обыкновенный на первый взгляд – документ. Документ, должно быть, очень важный, и если враги Кармайкла, схватив его самого, не обнаружат то, что искали, они быстро вычислят, кому он мог передать листок.

Так что же делать с документом Ричарду Бейкеру?

Можно передать Клейтону, представителю его величества.

Или оставить у себя, пока за ним не придет сам Кармайкл?

После недолгих размышлений он выбрал последний вариант.

Но прежде принял меры предосторожности.

Оторвав от старого письма чистую половину, Ричард принялся сочинять рекомендацию примерно в тех же выражениях, но с использованием других слов – на тот случай, если текст представлял собой зашифрованное сообщение. Впрочем, могло быть и так, что сообщение написано некими невидимыми чернилами.

Потом Ричард посыпал свое сочинение пылью с подошв ботинок, втер ее ладонями, сложил и развернул несколько раз, так что оно приобрело должный вид.

Закончив с этим, он скомкал листок и сунул в карман, после чего долго смотрел на оригинал, рассматривая и отвергая различные варианты. Наконец с легкой улыбкой сложил его несколько раз, придав продолговатую форму, достал палочку пластилина, без которого никогда не путешествовал, завернул листок в отрезанную от несессера клеенку, а получившуюся трубочку обмазал пластилином, разгладил поверхность и проставил на ней оттиск цилиндрической печати, которую носил с собой.

Потом с мрачным удовлетворением оценил полученный результат.

На трубочке четко отпечаталось изображение бога Солнца, Шамаша, вооруженного Мечом Правосудия.

– Будем надеяться, что это добрый знак, – проворчал Ричард Бейкер.

Вечером, когда он заглянул в карман пиджака, который был на нем утром, сложенной бумажки уже не было.

Глава 7

Жизнь, думала Виктория, наконец-то настоящая жизнь! Сидя в зале аэровокзала, она дождалась того волшебного момента, когда диктор произнес заветные слова: «Пассажиров, следующих в Каир, Багдад и Тегеран, просят занять места в автобусе».

Волшебные названия, волшебные слова. Для миссис Гамильтон Клипп, которая, как уже поняла Виктория, значительную часть жизни занималась тем, что перепрыгивала с пароходов в самолеты, с самолетов – на поезда, а короткие промежутки проводила в дорогих отелях, в них не было ничего волшебного, ничего чарующего. Но для Виктории они звучали восхитительной переменой после приевшихся фраз: «Записывайте, пожалуйста, мисс Джонс», «В этом письме полно ошибок. Вам придется перепечатать его, мисс Джонс», «Я знаю, где делают самый лучший перманент», «Чайник закипает, вы не заварите?» Опостылевшая рутина! А теперь – Каир, Багдад, Тегеран! Вся восхитительная романтика Востока (с Эдвардом в конце пути).

Виктория спустилась на землю, услышав фразу, которой ее работодательница, оказавшаяся неизлечимой говоруньей, завершила очередную серию высказываний:

– …а по-настоящему *чистого* ничего-то и нет. Вот почему я всегда очень, очень осторожна с тем, что ем. На улицах и базарах такая грязь, вы себе даже не представляете. А какое рванье они носят! Это же полная антисанитария. И туалеты… Да их и туалетами-то нельзя назвать!

Все эти жалобы и возмущения, выслушивать которые Виктории пришлось по долгу службы, нисколько не омрачили ее энтузиазм и не отравили ощущение праздника. Грязь и микробы мало что значили в ее юной жизни. По прибытии в Хитроу она помогла миссис Клипп выйти из автобуса. Паспорта, билеты, деньги – все эти вопросы уже были переданы в ее ведение.

– Какое же это облегчение, что вы под рукой, мисс Джонс!.. Даже не представляю, что бы я делала, если бы мне пришлось путешествовать одной.

Путешествие по воздуху напоминало школьную экскурсию. На каждом шагу рядом с тобой оказываются добрые, но решительные учителя, всегда готовые помочь и направить. Бортпроводницы в аккуратной униформе терпеливо и четко, с той неукоснительной твердостью, что характерна для детсадовских воспитательниц, имеющих дело с не окрепшими умом детишками, объясняли, что именно тебе положено сделать в нужный момент. Виктория, наверное, не удивилась бы, если б каждое свое выступление они предваряли словами «итак, дети».

Утомленного вида моложавые джентльмены за стойкой привычно протягивали руки за паспортами и, интимно понизив голос, осведомлялись о деньгах и драгоценностях. При этом им каким-то образом удавалось внушить пассажирам чувство вины. У предрасположенной к внушению Виктории ни с того ни с сего возникло острое желание описать свою скромную брошку как брильянтовую диадему стоимостью в десять тысяч фунтов только лишь для того, чтобы посмотреть, как изменится скучающее выражение лица молодого дознавателя. И только мысль об Эдварде удержала ее от такого шага.

Пройдя несколько барьеров, они снова попали в зал ожидания, выход из которого вел уже прямо на аэродром. Подходящим к ожиданию фоном служил доносящийся снаружи рев моторов. Оглядывая спутников, миссис Гамильтон Клипп с удовольствием награждала каждого короткой характеристикой:

– Те двое малышей ну просто прелесть, не правда ли? Но какое ж это испытание путешествовать одной с двумя детьми… Надо думать, британцы. Костюм на матери уж больно хорошего покроя. А вот выглядит она усталой. Симпатичный мужчина… есть в нем, по-

моему, что-то латинское. И какая броская клетка – определенное дурновкусие. Бизнесмен, наверное. Вон тот, посмотрите, голландец – шел перед нами на паспортном контроле. А та семья – то ли турки, то ли персы. Американцев вроде бы нет. Они, наверное, «Пан-Американ» предпочитают. Те трое, что держатся одной компанией, наверняка по части нефти. Вы согласны?.. Мне нравится смотреть на людей и угадывать, кто они такие и чем занимаются. Мистер Клипп говорит, что меня увлекает человеческая натура. По-моему, это вполне естественно – интересоваться теми, кто рядом… Как думаете, вон та норковая шубка стоит своих трех тысяч долларов?

Миссис Клипп вздохнула. Оценив должным образом спутников, она начала терять терпение.

– Хотелось бы знать, чего мы так долго ждем. Самолет уже четыре раза запускал двигатели. Пассажиры все на месте. Почему бы не объявить посадку? Нет, они определенно выбьются из расписания.

– Не желаете ли чашечку кофе, миссис Клипп? Я вижу там буфет и…

– Нет, мисс Джонс, спасибо. Кофе я выпила утром, еще до отъезда, и у меня такое впечатление, что ничего больше мой желудок принять пока не в состоянии. И чего же мы все-таки ждем, вот что мне хотелось бы знать.

Ответ на этот вопрос пришел еще раньше, чем миссис Клипп успела договорить.

Дверь из коридора службы таможенного и паспортного контроля резко распахнулась, и в зал с тем же эффектом, что производит порыв ветра, стремительно вошел высокий мужчина. Его сопровождала кучка представителей авиалинии. Служащий в форме БОАК нес два больших запечатанных холщовых мешка.

Миссис Клипп мгновенно оживилась.

– Явно какая-то крупная шишка, – заметила она.

Он и сам это знает, подумала Виктория. Было в опоздавшем путешественнике что-то нарочито дерзкое, рассчитанное на эффект. Одет он был в темно-серый дорожный плащ с просторным капюшоном и шляпу, напоминавшую широкополое сомбреро, светло-серого цвета. Длинные и волнистые седые волосы шли в комплекте с прекрасными серебристыми усами, загнутыми кончиками вверх. Более всего незнакомец напоминал опереточного бандита. Виктория, недолюбливавшая позеров, удостоила его неприязненным взглядом.

Служащие же аэропорта, отметила она с раздражением, вились вокруг незнакомца с откровенной угодливостью.

«*Да, сэр Руперт*». «*Разумеется, сэр Руперт*». «*Самолет сейчас отправляется, сэр Руперт*».

Взмахнув широким плащом, сэр Руперт стремительно прошествовал к выходу на летное поле. Отброшенная дверь запрыгала на петлях.

– Сэр Руперт, – проворчала миссис Клипп. – Интересно, кто же это такой?

Виктория покачала головой, хотя в какой-то момент лицо и общий вид представительного джентльмена показались ей смутно знакомыми.

– Наверное, кто-то из вашего правительства, – предположила миссис Клипп.

– Не думаю, – покачала головой Виктория. Те несколько членов правительства, видеть которых ей довелось, произвели впечатление людей, которым не терпится извиниться за свое пребывание среди живых. И только поднимаясь на трибуну, они оживали, надувались от важности и принимались изрекать прописные истины.

– А теперь прошу всех, – громко и четко, как в детсаду, объявила старшая бортпроводница, – занять свои места в самолете. Сюда, пожалуйста. И, если можно, побыстрее.

Тон и манеры давали основание предположить, что она имеет дело с кучкой рассеянных, плетущихся шагом детишек, своей медлительностью действующих на нервы взрослым.

Пассажиры друг за дружкой потянулись на поле.

Громадный самолет ждал, пофыркивая двигателями, словно довольный, сытый лев.

Вместе с одной из стюардесс Виктория помогла миссис Клипп подняться по трапу на борт и устроиться на своем месте, сама же села у прохода. Подождав, пока нанимательница расположится со всеми возможными удобствами, она застегнула наконец ремень безопасности и только тогда заметила, что человек, прибытие которого вызвало такой переполох, сидит непосредственно перед ними.

Дверцы салона закрылись, а еще через несколько секунд самолет неторопливо сдвинулся с места, начиная разбег.

Летим, с восторгом подумала Виктория. А ведь страшновато! Вдруг мы так и не сумеем оторваться от земли? Нет, действительно, это ведь невозможно даже представить!

После казавшегося вечностью неспешного пробега по полю самолет медленно развернулся и остановился. Двигатели яростно взревели. Стюардессы раздавали пассажирам жевательную резинку, леденцы и ватные затычки для ушей.

Громче и громче, свирепее и свирепее выли моторы. А потом самолет снова покатился вперед. Сначала как будто робко, потом быстрее, еще быстрее…

Он не взлетит, подумала Виктория, и мы все погибнем.

Еще быстрее…

И вот уже ни толчков, ни прыжков – плавно и гладко, подняв нос, они оторвались от земли и полетели… Над автомобильной стоянкой и главной дорогой… еще выше и выше… над смешным крохотным поездом… над кукольными домиками и игрушечными машинками на шоссе… Еще выше… и вот уже земля внизу перестала быть живой, человеческой, а превратилась в огромную плоскую карту с линиями, кружками и точками.

Пассажиры в салоне начали расстегивать ремни, закуривать, открывать журналы. Виктория была в новом мире, мире, вытянутом в длину и ограниченном в ширину, населенном двадцатью или тридцатью пассажирами. Ничего больше в этом мире не было.

Она снова выглянула в окошечко. Внизу пушистой дорожкой расстилались облака. Самолет летел под солнцем. Знакомый ей дотоле мир лежал где-то далеко под облаками.

Сделав усилие, она взяла себя в руки. Рядом что-то говорила миссис Гамильтон Клипп. Виктория вынула из ушей ватные затычки и с вниманием склонилась к ней. Сэр Руперт впереди поднялся, швырнул на полку широкополую фетровую шляпу, натянул на голову капюшон и, опустившись, расслабленно откинулся на спинку кресла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.